

Корни рода человеческого уходят в глубокую древность. Это мы знаем из книг по истории. А конкретно данного рода или племени, к сожалению, сведений нет, где жили, как попали в холодную Сибирь, где их обетованная Родина, не знаем. Сибирь стала заселяться в начале первого тысячелетия в основном из России н. эры. Крепостное право, засуха, неурожай, эпидемии, бунты, вынудили их покинуть Родные места. Наши предки, по всей видимости, поселились в Сибири давно. По образу жизни они отличаются от россиян. В 1861 г. было отменено крепостное право, но землю поделили между крестьянами неправильно, богатым досталось больше и лучшее. Наши предки жили в Тобольской губернии, это предгорье Урала. Семьи заводились большие и часто наделов, удобной для пашен и лугов земли не хватало, и бедствовали в основном многодетные семьи.

И вот в 1870 г. двое молодых мужчин, оставив своих молодых жен в родительском доме, отправились искать счастья в малозаселенных и н/изученных местах Сибири по берегам большой реки Обь. Железной дороги в те времена не было, и груз переправляли по реке до Томска и Новониколаевска (Новосибирска). И вот на такой транспорт – буксирный пароход и баржа – эти молодые люди нанялись матросами со своей целью, найти удобное для переселения место. Ехали долго. Пароходишко заправлялся дровами, и часто вся команда готовила эти дрова по берегам. Реку никто не обслуживал, были и мели и заторы из сваленных деревьев.

В одном месте – это была пристань Вартовск – где они запасались дровами, они встретили своих земляков. Те пригласили их в гости. А жили они почти напротив, через реку. Нашим парням там понравилось. Приволье, в реке и озерах много рыбы, в тайге много пушного зверя, есть условия держать скот, сеять пашню, много ягод, ореха. Рейс они закончили, вернулись домой с деньгами, подарками, и зиму готовились к переезду. Уже знали, что им надо будет привезти. Весной тот же транспорт. Повезли их коров и лошадей, пару овец, и что нужно для хозяйства. Капитан парохода вдохновил их, что р. Обь будет благоустраиваться, заселяться людьми, строятся будут рыбо-засолочные заводы и приемные для пушнины. До зимы они построили себе небольшие хатки, кое-что припасли из провизии, а потом позднее построили хорошие дома. Это были красивые, трудолюбивые помещики: Слинкин Аркадий и Кушников Митрифан. История эта достоверна, ее рассказывал мой отец, Слинкин Алексей Аркадьевич, младший сын из большой семьи. Семейные пары Слинкиных Аркадия и Екатерины народили и вырастили семерых детей – четыре сына и три дочери. Кушниковы Митрифан и ~ Гордеевна вырастили троих: две дочери и сына. Семьи дважды породнились. Федор Аркадьевич был женат на Елизавете Митрофановне. Анна Аркадьевна была замужем за Иваном Митрофановичем. Святая память о них, уже давно ушедших из жизни, навсегда остается в сердцах благодарных потомков. Мир их праху!

В 1870 г. отделилась одна ветвь от многодетной семьи Слинкиных, крестьян по происхождению из Тобольской губернии.

Родословная ветвь Слинкиных с 1850 года (по мужской линии)

1. Слинкин Аркадий 1850 – 1910
2. Алексей I Аркадьевич 1895 – 1942 (1941?)
3. Владимир Алексеевич 1936
4. Александр Владимирович 1958
5. Алексей II Александрович 1988

I поколение.

Слинкин Аркадий ~ 1850 г. рождения – 1910.

Его жена Екатерина 1855 г. рождения – 1914 г.

Дети:

1. Тимофей Аркадьевич 1870 г. рождения – 1930.
2. Семен Аркадьевич 1873 – 1944
3. Федор Аркадьевич 1875 – 1950
4. Екатерина Аркадьевна 1880 – 1955
5. Наталья Аркадьевна 1885 – 1958
6. Анна Аркадьевна 1890 – 1952
7. Алексей Аркадьевич 1895 – 1941.

P.S. Умершие в раннем детстве дети – не считаются.

1. Слинкин Тимофей Аркадьевич

Жена (не знаю) она рано умерла.

Дети:

1. Николай Тимофеевич 1900 – 1938
2. Елена Тимофеевна 1910 – 1970
3. Яков Тимофеевич 1920 – 1939
4. Федор Тимофеевич 1915 - ~

Внуки:

I Николай Тимофеевич

Жена Александра

Дети:

1. Елизавета Николаевна 1920 г.
2. Ольга Николаевна 1930 г.
3. Рената Николаевна 1933 г.

II Елена Тимофеевна 1910-1970

Муж Иван Иванович Тычинский

Дети:

1. Юлия Ивановна 1930 г.
2. Виктор Иванович 1933 г.
3. Нина Ивановна 1947 г.

III Яков Тимофеевич 1920 ~ 39. Погиб на финской войне

Детей не было (Не был женат).

IV Федор Тимофеевич 1915 г.

Жена Юлия Максимовна 1920 г.

Дети:

1. Елена Федоровна 1945 г.р.
2. Слинкин Семен Аркадьевич 1873 – 1944
Жена Анна ~ - 1943

Дети:

1. Трофим Семенович 1895 г.
2. Иван Семенович 1905 – 46 г. Погиб в ВОВ.
3. Таисия Семеновна 1915
4. Иван Семенович (внебрачный сын) 1930 г.

III Слинкин Федор Аркадьевич 1875 – 1950

Жена Елизавета Митрофановна Кушникова

Дети:

1. Владимир Федорович 1910 –
2. Нина Федоровна 1920
3. Антонина Федоровна 1923 – 1946
4. Валентина Федоровна 1925 – 1940
5. Станислав Федорович 1933
6. Зоя Федоровна 1930
7. Галина Федоровна 1938

IV Екатерина Аркадьевна

Муж - Сигильетов (не знает имя она)

Дети:

1. Алексей 1905 - ~ погиб в репрессии с 1937 г.
2. Прасковья 1910 г.

V Наталья Аркадьевна 1885 – 1946г.

Муж Иван Кузьмич (фамилии не помню)

Детей не было.

VI Анна Аркадьевна 1890 ~ 1952

Муж Иван Митрофанович Кушников, мой крестный

Детей своих не было.

Была удочерена девочка Тамара ~ 1935 г.

VII Слинкин Алексей Аркадьевич 1895 – 1941

Жена Анна Андреевна (Посинцева) 1897 – 1943

Дети:

1. Анна Алексеевна 1915 – 1987
2. Таисия Алексеевна 1920 – 1939
3. Галина Алексеевна 1925г.
4. Павел Алексеевич 1927 – 1948
5. Борис Алексеевич 1930 – 1945
6. Владимир Алексеевич 1936 –

Внуки:

I Анна Алексеевна Слинкина 1915 – 1987

Муж Рыбаченок Игнат Ефремович ~ - 1941 г.

1. Владимир Игнатъевич 1937 – 1993

II Таисия Алексеевна 1920 – 1939
Детей не было.

III Галина Алексеевна 1925
Муж Николай Иванович Вяткин 1927 – 1986
Дети:
1. Наталия Николаевна 1957
2. Алексей Николаевич 1960 – 1983

IV – V Павел и Борис ушли из жизни в подростковом возрасте.

VI Владимир Алексеевич Слинкин 1936
Жена Александра Григорьевна 1938
Дети:
1. Александр Владимирович 1958
2. Татьяна Владимировна 1962

Внуки, правнуки:
Рыбаченок Владимир Игнатьевич,
Жена Тамара Федоровна
Дети:
1. Сергей Владимирович 1976
2. Алексей Владимирович 1980
Наталья Николаевна Вяткина 1957
Муж Степанов Олег Александрович 1957
Дети:
1. Светлана Олеговна 1981
2. Александр Олегович 1983

Александр Владимирович Слинкин 1958
Жена Ольга
Дети:
1. Анастасия Александровна 1981
2. Алексей Александрович 1988

Татьяна Владимировна Слинкина 1962
Муж Богдан Прокопьевич Чичак 1959
Дети:
1. Кристина Богдановна 1981
2. Екатерина Богдановна 1986

Анастасия Александровна 1981
Муж Унтевский Вадим
Дети:
1. Валерия Вадимовна 2001 г.
Екатерина Богдановна 1986
Муж Карнаухов Николай 1985

Краткие биографические сведения о членах династии Слинкиных:

Одни имена не дадут представления о жизни наших сородичей. Что помню, что знаю, повествую Вам. На 2000 год я осталась самая старшая из этого рода. Начнем со старших. Деды наши положившие начало этой семейной династии были честными, добропорядочными, трудолюбивыми людьми. Таких же воспитали они своих детей. Б. Екатерина была красивой, умной и заботливой матерью. Хорошая хозяйка семьи умела шить: Детей одевала чисто и опрятно. Вредных привычек в семье не было...Православные христиане, но не фанаты, в меру. Дети все были талантливы. Школы в то время близко не было и какой-то ссыльный мужик научил их читать, писать и считать. Грамота большая в те времена и не требовалась. Общение с цивилизованным миром осуществлялось поездками с обозом в Томск. Везли на продажу пушнину, рыбу, мясо, орех, ягоды. Обрато закупали нужное для семьи и хозяйства. Везли на лошадях по замерзшей реке. Много дней в пути по зимней дороге. Трудности все эти надо только представить. Но так жили все. В селении было несколько дворов, переселившихся также с Тобольской и Томской губернии. Всем хватало природных ресурсов, трудолюбие выручало всех, как говорили тогда – жили «справно». На первом месте в первый год родился старший сын Тимофей. Семья прибывала, но те все годы до Советской власти были спокойными и счастливыми. У них даже на Германскую войну в 1914г. никто из сыновей не уходил.

Тимофей Аркадьевич. – д. Тима. Я его плохо помню, мала была. Был он хорошим охотником, отличный стрелок – говорили, что бил белку в глаз. В горнице и на полу и на стенах висели медвежьи шкуры. Старший сын Николай получил образование в Томске и много лет работал директором Александровского рыбо-консервного комбината. Честный, умный, порядочный. Жена его т. Шура умерла во время родов. Остались три дочери – Лиза, Ольга, Ринада. В 1938г. был репрессирован, начались тяжелые годы Сталинских репрессий. Увезли, куда семья и никто не знал. Семью из дома выселяют. Мой отец, младший брат Коли Яков и кто-то из женщин поехали за ними. Шел туда на комбинат катер с паузком с грузом и обратным рейсом привезли детей и все вещи. Вещи сложили у нас в амбаре. Лиза – старшая дочь – уехала в Тобольск. Там у нас жили т. Анна и Иваном Митрофановичем. Она там поступила и закончила (2 года) учительский институт. Младшая Оля 8 лет и Ринада 4-5 лет два года жили у нас. Лиза закончила учиться и приехала с д. Ваней – забрали детей и вещи. Девочки выросли (помогали в этом наши родные), тоже окончили пед. институт и тоже стали учителями. Сведений об отце их не было, мода такая была – все сверхсекретно, ни он не мог сообщить и на запрос не отвечали. Через год его выпустили в Колпашево такого, что друг его лучший с трудом узнал. Сразу завесили окна в комнате, все боялись этих арестов. Первый вопрос его был – где мои дети? Тот рассказал все. Я так и знал, что Алеша первый придет на помощь. Он даже говорить не мог, слезы заливали, а ночью он умер. Сообщил друг этот телеграммой и мой отец и его мл. брат Яша ездили его хоронить.

Елена Тимофеевна. Ни одного дня она не сидела за школьной партой, выучилась сама (самоукой). Закончила курсы в Томске по торговому делу и много лет работала зав. Тор. Отделом района в Кривошеине, потом в Александрово. Необыкновенно талантлива. Где, что, только она брала. Юмористка. Она рассказывает спокойно, интересно, а слушатели катаются от хохота. Приезжала она сюда к нам в Гиагинскую с дочерью Зиной и внучкой. Организовали мы поездку на море. Николай Ив. Мой муж взял отпуск, собралась компания из 10 человек с детьми, взяли палатки, продукты и поездом до морского поселка Якорная щель. Купались, загорали, а в перерывах от солнца и воды, Елена развлекала их. Они и домой приехали еще долго хохотали и всю зиму вспоминали эту поездку. У нее болели руки, ноги – так она по пояс сидела в морской воде. Ей это хорошо помогло. Уезжая набрала еще целую сумку в аптеке сухой морской соли в пакетах. Детей своих всех определила, Юля зоотехник, Виктор – военный на Востоке, а она живет с

младшей Ниной в Челябинске. У Нины образование, где-то работает на заводе, а дочка – школьница. Яши уже нет давно, а Нина второй раз вышла замуж и не переписываемся.

Яков Тимофеевич – не был женат, не успел. Погиб на финской войне в 1939 г. Веселый парень, балагур, хороший охотник. В отца пошел, так говорили. Был секретарем в совете.

Федор Тимофеевич. Я его раньше почти не видела, изредка он летом приезжал в Н.Вартовск. Закончил он медицинский техникум – фельдшер в Томске, а работал на партийной работе. С должности пред. Бакчарского райисполкома он уже в возрасте ушел на пенсию и поселился в Кемерово. Жена его, Юлия Максимовна, медицинский работник, дочь у них одна – педагог, муж ее – капитан дальнего плавания по Ледовитому океану и морям, двое детей – дочь и сын. Часто гостим у ее родителей. Мы переписывались с Федором Т., но последнее время лет 10 на письма не стал отвечать. Ему уже много лет было.

Семен Аркадьевич – д. Сеня. И его жена Анна, мы звали ее т. **Тоня**. Славился умением шить сбрую для лошадей и в колхозе он в основном этим и занимался. Красиво оформленная сбруя для лошадей нужна была на выезд – свадьбу, в гости, масленицу. И красиво отделявал кошевки: с заказами приезжали из далека. Жил он в одном доме с сыном Иваном, у которого было пятеро сыновей, имена которых я уже и не помню. К началу войны парни все подросли и все были на войне, один только младший вернулся, остальные погибли.. Старший сын Трофим много лет жил и работал в Парбиге, комендантом по переселенцам. В 30-е годы много туда в глубинку ссылали людей. О нем были хорошие отзывы. У него семья, жена и три дочери. Я хоть и почти рядом жила в Парабельском р-не, но встретиться с ним не пришлось. В Старице у него была внебрачная дочь – Тамара. Красивая, стройная девушка, закончила 10 кл. и паспорт взяла на фамилию отца. Он помогал ей учиться. Девчонка хорошая поступила учиться в Томский университет, а дальнейшую ее судьбу не знаю, мы уехали.

Дочь Таисия Семеновна Гребнева. Судьба дала ей в дар умение шить, может по отцу пошла. Шила она все и тонкое, платье, рубашки и грубые толстые шубы и тулупы. Так она прожила всю жизнь с иглой. А в личной жизни ей не повезло. Муж ее был алкоголиком. Мучилась она с ним много лет, пока он пьяный зимой не замерз. Была я у нее в Н.Вартовске в 1963 г. из пяти детей остался один младший сын Коля – пришел из армии, еще не женат. Внучата были, но я их не знаю.

Федор Аркадьевич. Его жена Елизавета Митрофановна Кушникова. Было у них семеро детей – два сына и пять дочерей. Дядя Федя всю жизнь проработал бакенщиком, и у него всегда была хорошая рыба. Т. Лиза никогда нигде не работала на производстве – только домохозяйка. Такая большая семья, а дома всегда чистота и порядок, чистые, опрятные дети и она сама. И всегда у них пахло и были они, пирогами. Ребята все способные, все учились в школе хорошо. Старший сын Володя был на войне ранен, но семья у него была. Жил тоже в Н.Вартовске отдельно. Нина – бухгалтер Госбанка, Валентина, Тося и Зоя – учителя, Стас тоже был на войне, но пришел жив-здоров. Младшая Галя училась в медицинском институте. С 1963 г., когда я приезжала одна к сестре Анне Ал., я там больше не была. Зашла я к т. Лизе, дома она была одна, Федора Аркадьевича уже давно не было, жили они двое со Стасом, он где-то заочно учился, часто уезжал на сессию и сказал, пока не окончу учиться, семью заводить не будет. Т. Лиза меня узнала с трудом, плохо видит. Я привезла ей гостинцы и отрез на платье, он ей понравился и говорит, сошью и чтоб в нем положили меня в гроб. Я ее крестница. Посидели с ней, вспомнили всех, поплакали о тех, кого уже нет на свете.

Екатерина Аркадьевна. Вышла за муж и уехала в Ларьяк. Там у них свой большой дом. Мужа ее не видела, не знаю, но говорят хороший был человек и хороший охотник. Двое у нее детей. Алексей последнее время был председателем Ларьякского Райисполкома. Жена его –

Зоя – учительница, четыре дочери. В 1938 г. его репрессировали, увезли и так он погиб где-то. Жена еще ждала ребенка и решилась на самоаборт. Кто-то недобрый посоветовал выпить столовую ложку хинина, выпила и ослепла. Мой отец ездил за ней в Ларьяк, забрал ее с детьми, увез к ее родителям, а ее увезли в Томск лечиться. Когда надежды на излечение не стало, она покончила с собой. Со мной в Н. Вартовске училась ее младшая сестра Нина Тетюева, она стала этим детям матерью и отцом. Родители ее тоже не стало, Нина вышла замуж и куда-то уехали. Дочь Пана, училась тоже самоучкой, способная, умная женщина, вместе с мужем они много лет работали в глубинке на ПОС (промыслово-охотничьей станции). Она начальник, он – радист. Дочка их Лиля выросла у бабушки Екатерины. Позднее с семьей она жила в Мегионе. Т. Катя тоже была портнихой, как говорят «от Бога», шить могла все, клиентов у нее всегда было много. Т. Катя и Пана хорошо помогали семье Алексея.

Наталья Аркадьевна. И ее муж ~ Кузьмич. В Н. Вартовске тоже не жили. Вышла замуж и тоже уехали в Ларьяк, там уже жила ее старшая сестра Екатерина. Свой хороший дом, хозяйство держали, она домохозяйка была всю жизнь. Он говорят хороший рыбак и охотник был. Детей у них своих не было, помогали растить детей д. Феде. Нина была ее любимицей, она ей оставила в наследство много золотых изделий и все что у нее было. А в те времена на сданную пушнину давали хорошие товары. В молодости они с т. Лизой были подруги.

Анна Аркадьевна. Муж Иван Митрофанович Кушников – мой крестный. Это дети двух друзей, приехавшие из Тобольской губернии, первые поселенцы. Приехали добровольно, искали необжитые места, где можно было спокойно заниматься охотой, рыбалкой, растить детей. Они тоже рано уехали в Тобольск, Иван Митрофанович где-то видно учился, что работал на какой-то руководящей должности. Не каждый год, но приезжали они в Н. Вартовск, везли нам детворе подарки, гостинцы. Все просили у моих родителей, чтоб отдали меня им на воспитание. Но помню мама сказала им – своих нарожайте, потом кому-то отдавайте. Помогали хорошо они семье Коли, помогали Лизе учиться и Оля с Ринадой выросли у них. Вот такие были у нас родные. Это правда! Анна Аркадьевна была очень похожа на свою мать – красивая женщина.

Алексей Аркадьевич. И его жена Анна Андреевна (Косинцева). Это мои родители. Отец был младший из большой семьи Слинкиных и ему достались бурные времена на становления и террор в России. Отделились и построились в Н.Вартовске в середине двадцатых годов. Родителей его уже не было. Первая дочь Анна (Нюра) пошла в школу с 9 лет, до этого школ не было. Способная учиться она проходила за один год 2-3 кл. (училась в Александрово). В 14 лет уехала учиться в Томск на учительские курсы. В 15 лет она уже была учительницей и работала в школах. Работая в Александрово, она увезла с собой и Тасю, которая там училась в школе, и работала пионервожатой. Готовилась тоже поступать в учительский институт. У Ани родился сын Володя и мужа перевели работать в Казахстан. Забрали с собой и Тасю. Там она закончила 10 кл., поступила учиться в пед. институт, с 1-го сентября пошла на учебу, но заболела – острая дизентерия. В больницу не пошла, какие-то лекарства пила сама, стало плохо, увезли в больницу и через 2 дня умерла. Вот так молодая, способная по глупости ушла из жизни. Старшей в семье дома осталась я. Младшие Павлик, Борис, Володя и была еще девочка Валя, она умерла в 8 месяцев. Родители работали в колхозе. Отец – был то бригадиром животноводства – поправит работу, дают другую бригаду, а то председателем колхоза. Работе отдавал всего себя, честно и добросовестно. Люди все его уважали, шли к нему за советом и помощью. Почти неграмотный он в Александрово закончил курсы по строительству скотных дворов по готовым проектам. Учился зимой 2-3 месяца. Привез целую папку

чертежей. Там и коровники и телятники, конюшни и др. Разбирался в них. До войны смог построить коровник, к нему сбоку подстраивался телятник и родильный отдел для коров. Хороший большой светлый двор. А техники никакой не было. Все вручную. На листовых сваях и нижних венцах. Выручали только где возможны лошади: электро-энергии не было. Я помню пилили на плахи – козлы высокие, вверху человек и внизу человек, маховая пила и как заводили эту илу вверх, вниз. Пиломатериала много надо было, на окна, двери, стойла, пол, потолок, крышу. Трудности эти надо только представить. Коровник получился хороший. Комиссия одобрила. Отцу вынесли благодарность и в подарок дали радиоприемник. Небывалая в ту пору вещь. Был он ламповый, на батареях-аккумуляторах, учителя сделали антенну – две высокие мачты через дорогу. У нас дома было невпроворот, всем хотелось послушать и посмотреть своими глазами откуда эта музыка и разговор. Достроили колхозную контору и перенесли все это туда. Там вечером допоздна собиралась вся деревня, еще и со своими делами – мужики сети вяжут, а женщины из овечьей шерсти прядут и вяжут для семьи нужное. Все помню, в каком году 35 или 36 были первые выборы в Верховный Совет и местные органы власти. Отец был первым депутатом Районного Совета. День этот запомнился мне – зимний где-то в феврале или марте, яркий солнечный без большого мороза, голосовали взрослые в школе, а нас детвору катали на лошадях в красиво отделанных кошевках, сбруя у лошадей начищена до блеска и колокольчики. А на вечер, после окончания голосования и колхозники управились со своими делами, в конторе колхоза покрасили столы по такому торжественному случаю. Гармонисты, песни, пляски – гуляла вся деревня. И второй депутат в совет был избран Яров (забыла И.О. Карп или Поликарп) они с отцом были друзьями, ровесники и помогали друг другу в работе. Мама работала на колхозной молокочке, как тогда звали молокоприемный пункт при колхозе. Работали они двое с Нюрой Сазоновой. Принимают молоко от доярок, сепарируют, сбивают на масло и готовую продукцию сдают на склад. Работа вся вручную. Управившись после утренней дойки, бежали домой (да, только бежать надо было, иначе ничего не успеешь), а я бежала (училась тогда во вторую смену) в эту молокочку – мыть сепаратор. Снимут только барабан и тяжелое, остальное раскручиваю сама, мою в теплой щелочной воде и раскладываю на столе на чистой простыне все детали для просушки, а дойка была в основном 3-х разовая и три раза в день мылся сепаратор, после вечерней работы тоже доставалось мыть мне. Потом это уже много позднее был построен масло-завод и эта работа по обработке перешла к нему. Выходных у матери не было, такое уж было производство, но где-то подменялись – домашнее хозяйство и семья тоже требовало ее рук. Я еще девчонка была, какие там силы, училась то и помогала ей тоже много. Уроки учила поздно вечером, когда уже все спали. Учеба давалась мне легко, отличницей круглой не была, но троек не было. Летом все дети колхозников помогали на сенокосе и я тоже, мы были коповозами. Набьешь себе заднюю часть, дня на 3-5 домой отпустят, а дома, младшие были в дет. садике почти круглосуточно, охота сбегать в лес по ягоды. Ягоды были близко и полно. Недалеко было озеро, вокруг него росла морошка. Её собирать интересно, заблудиться там не заблудишься, туда конная дорога. Берем с собой собак. А на 1-ое сентября пред. Колхоза вручал нам подарки на линейке. Всем коробки с цветными карандашами, школьную форму девочкам, платья – сатиновые синие или коричневые и фартуки, ленты и кулечек с конфетами. Мальчишкам тоже простые школьной формы костюмчики. Довольные радостные были все.

Отрадным воспоминанием детства была рыбалка. Это не то что добывали рыбаки. Колхозу был спущен план на рыбу и бригада рыбаков работала постоянно, на другие работы их не брали. Все помню – это на противоположной стороне реки, забрасывали большой невод с

грузилом до дна и поплавками сверху, а потом вытягивают на берег постепенно сближая края, подключают и по лошади. Рыбы было много всякой, одна тоня и полный неводник (большая лодка) выберут невод и живую везут через реку на рыбо-засольный пункт. Мы ребяташки если дома, тоже бежим туда с ведерками, поможем сортировать в носилки и себе возьмем. А тут была рыбалка на удочки, переметы, ожидание клева, радость улову и еще уха на берегу. Это понять может только истинный рыбак. А мы едем большой компанией в августе, еще до занятий в школе. Собираются ученики, что учатся в Александрово или Томске. Это Володя помнит где был «Сельский Мыс», там напротив курья и устья речки таежной болотный Еган. В августе вода уже спала и от половодья просохло, речка вошла в свои берега, курья обмелела, но очень топко. А на берегу Егана сухо, трава не большая и там обычно пасут ночью лошадей, которые остаются в Вартовске на лето. На двух телегах собирают и везут все необходимое для рыбалки и ночлега – полога, одеяла, хлеб, соль, котлы и все что надо. Все ставят до темноты пологи, привозят с берега плавник для костров и каждый рыбах обустроивает себе место у речки и рыбы еще немного на ужин поймаем. Устроились, поужинали, развели костры. Заиграли гармошки, песни, пляски, хороводы вокруг костра, ноги уже стали горячими. А мы такие счастливые, свободные, на природе. Утром рано-рано будим друг друга. Самый клев рыбы. Крупные сильные окуни гнут удилища, такой азарт, у нас по 2-3 удилища, только успевай наживку менять и таскать. По 5 ведер за утро. На завтрак уха – в котел накладываем плотно рыбы, выбираем только внутренности, а так окуней не чистим, в чешуе уха вкуснее. Сваренную осторожно вынимаем, чешуя отделяется. Уху пьем из кружек – вкуснота неопишуемая, этот наш рыбацкий лагерь стоит дня 3-4. Нам дать волю отдохнуть перед школой, мы все лето работали. Это были тридцатые годы, середина.

Мы там, в глубинке всего еще не видели и не знали. Но уже над нами был занесен «Домоклав меч». После смерти Ленина в январе 1924 г., главой государства стал Сталин. Дал торжественно клятву верности – это вдохновляло людей измученных революцией и Германской войной, неурядицы в правительстве. Сталин окружил себя подобными и началась еще до 30-х годов чистка. Много было грамотных, умных людей отправлено в ссылку в далекие места, а много было уничтожено без суда и следствия. Началась коллективизация, насильная и вынужденная. Кто сопротивлялся, тот был «раскулачен» и сослан в необжитые северные места или конц. лагеря. Стихийно вернулось крепостное право для крестьян – колхозников. Ссылными заселили берега Оби. В Александровском р-не стоит сейчас город Нефтяников - Стрежевой. Я там была, когда это был с\переселенский поселок. Привезли людей с Алтая - «раскулаченных». Высадили с баржи на берег прямо в лес. Хотите жить – обустроивайтесь сами. Но зная уже о таких спец.переселениях они тайно привезли с собой пилы, вилы, лопаты, топоры, котлы, ведра – что выручало древних людей. Но это были мужики крепкие, работающие, крестьянские. Они построили свой поселок. Рассказывали и плакали о первых двух годах жизни. Поселок стоит не на берегу Оби, а Володя знает как расположен **Вампугальск**, это от реки км 5, там протока не протока, мелкая какая-то заводь топкая. Куда-либо выехать в соседнее селение не могли – не на чем, пешком тоже не могли, то болота кругом непроходимые. Блокада. Два года они не видели хлеба – рыба и то ловить нечем, удочки приделали. В лесу зверь – лоси, медведи, зайцы. Оружия нет. Из вил, что привезли, сделали рогатки на крупного зверя, делали незамысловатые ловушки на зайцев. Так выживали. Раз в 2 месяца приедут комендант и двое его охранников с оружием. Один сидит в лодке, двое ходят, пересчитывают, не убежал ли кто. О помощи и слушать не хотели. Смеялись. Выручила их лодка, вынесенная половодьем и штормом неподалеку. Гребли, весла

сделали и молились на нее как на Христа спасителя. С ее помощью они побывали на реке и соседних селениях. Их первое время люди боялись, они обновились, обросли бородой, но помогли и рыболовные снасти дали, и охотничьи припасы и ружья. Все это делали в тайне от коменданта. Лодку прятали.

Я была и ночевала в доме учительницы, это уже после войны где-то в 1946 г. уже было какое-то послабление, уже школа начальная работала и две учительницы Маша и Даша сестры близняшки. Когда девочкам было по 12 лет, они обе заболели, но тогда уже была лодка и решились отправить их на лечение в Томск, у них там были родственники. Денег не было, собрали со всех золотые вещи – колечки, серьги, крестики, бусы. Обменяли это на деньги в поселках. Договорились с бакенщиком и девочек с матерью увезли к нему. Тот посадил их на буксирный пароход, отвезли до Александрово, там они сели на пассажирский до Томска. Девочки вылечились там и остались у своих, закончили пед. техникум и уже по направлению вернулись в Стрежевой.

Другой случай, меня увезли зимой на лошади по вызову к больному бакенщику. Напротив его избышки на берегу р. Обь был посреди реки песчаный остров, поросший тальником. Таких островов на реке было много, и бакенщик рассказал, как в 1928 г. сюда к этому островку пришвартовалась баржа с буксирным пароходиком, тогда они в основном занимались перевозками грузов. Из трюма баржи люди в солдатской форме стали выгружать людей, кого так ведут, кого тащат, а то и полные носилки, а к нам подъехал военный и приказал уйти в лес – не смотреть. Но мы видели. Выгрузились, ушел пароход и баржа, оставили охрану на том и другом берегу. Вечерами мы устанавливали фонари на бакенах тоже под охраной. Вначале доносился с острова какой-то гул, завывание, плач. Потом стихло все. Приехали на катере военные, сошли на остров, посмотрели. Взяли у нас большую лодку, привезли наших сухих заготовленных дров, ветки. С катера сняли бочку керосина. Всем охранникам дали работу – устроить сжигание. Один охранник проговорился – было 350 человек живых, а в дороге половина помёрло, они ж враги народа, что их и жалеть. Вот так расправились. А нам всем строго наказали – об этом молчать. Когда я работала в Новосибирске в пароходстве и на пароходе судовым врачом, рассказали об этом капитану, у него неизвестно погиб отец в те годы и проходя мимо того острова он всегда давал три коротких гудка.

В Парабельском р-не по р. Парабель много поселений было из спец. переселенцев. Выжили их процентов 15-20, не больше. Гибли дети – от поноса, голода, болезней, еды не было, ели зеленые почки и кору тальника, что еще было весной. Ваше счастье, Вы не видели, Вы не знали это. Но знать должны мы, наши дети и внуки, чтоб это не повторилось никогда.

До сих пор историки не могут (или боятся) сказать более-менее точную цифру загубленных. С начала тридцатых были «раскулаченные», а с середины пошли опять «враги народа» для России.

Сталин пробыл на своем посту «отца народов» 29 лет (1924-1953 5 марта).

Это был хитрый, подозрительный маньяк, болезненно самолюбив. Почувствовав единовластие, он подбирал под себя окружение и держал их крепко. У него был гипнотический взгляд. Он жил в кремле и за его пределы не выезжал. В 1934 г. по его указанию было спровоцировано убийство Кирова в Ленинграде. Было спровоцировано гонение на врачей, разыграли судебное разбирательство, после него врачей не стало.

В нашей глубинке тоже нашлись «враги». В 1937 г. взяли моего дв. брата Алексея (он был сыном Екатерины Аркадьевны) в Ларьяке. В то время, молодой, способный он был пред. Райисполкома. Провезли через Н. Вартовск и никто из родных не видел и не знал,

комендатура была устроена за пристанью на берегу реки. Трагедия произошла и с семьей. В 1938 г. взяли Николая Тимофеевича¹ (тоже мой дв.брат). Жил он в Александрово, был директором рыбо-консервного комбината. Год его держали в Колпашево, а вышел, к старому своему другу пришел, ничего не говорил, только слезы заливали его. Худой, изможденный, седой, страшно усталый, больной, кто-то видимо хотел спасти его, но от побоев и издевательств сердце его не выдержало. Семью его не бросили, дочери выучились, получили высшее образование, устроены в жизни.

Где-то с 1937-8 года стала и меняться жизнь. В магазинах исчезли товары и продукты. Колхозникам стало жить труднее. Планы сдачи продуктов – молока, масла, рыбы – увеличились, деньги за работу и за сданное уже не давали. Живите как хотите. Нас еще выручало – пушнина. План тоже был увеличен. А на этот промысел кого попало не отправишь. Население Н-Вартовска хотя и пополнялось, но охотник – это тоже талант.

Каждую осень где-то в конце октября, по мелкому снегу отец уходит в тайгу. Было еще и осенью у нас мероприятие – орех. На том месте где стоит сейчас город Н-Вартовск был кедровник. Лес высокий, чистый, ствол снизу без веток, наверху в хвое шишка крупная. Мы, ребята и я, тоже едем за счет осенних каникул. Живем там с неделю, пока погода держится. Делают колот 3м. длиной, крепкая не толстая жердь, конец ее укрепляют – болванку дерев. массивную. Два мужика бьют по стволу дерева, сверху сыплются шишки. Мы хоть и в зимних старых шапках, близко не подходим – сверху бьет по голове и телу хорошо. Собираем вокруг и стаскиваем в кучи. У всех распределена работа. Таскают к берегу, крутят на рушалке, веют, просушивают на решетках. Работа с темна до темна. Усталые спим крепко, на охране от медведей охотничьи собаки. Ягод вокруг Н.Вар. было полно вокруг и близко – морошка, черника, голубика, брусника, клюква, а на той стороне реки черемуха, смородина, рябина и были грибы, грузди.

В 1941г. я заканчивала 8-ой класс. Еще весной сказали, что школа снова будет 7-летка. Заканчивали мы самостоятельно. Учить было некому. Приходили на урок, а учителя нет. Ночью забрали и увезли. Так же не пришла на урок и наша любимая учительница Евдокия Ивановна. Молодая, симпатичная, русая коса до пояса, вела она русский и литературу и была пионервожатой. Пришла директорша и отправила меня к ней на квартиру. Жила она у наших Пановых, тетки моей. Ночью сильно застучали в дверь, дядя открыл. Вошли двое военных, подняли ее с постели, она еще и не проснулась. Грубо заставили одеваться, порылись в ее книгах, тетради, ничего не взяли, увели. Так ночью по-воровски они увозили, чтоб никто не видел.

А в 1941 г. р. Обь было небывалое наводнение. Такого не помнили даже старые старожилы. И началось сразу после ледохода. По реке несло избышки, дворы, на них лаяли и мычали коровы. На лодках ездили спасать. Старые говорили – это к большой беде. Затопило кругом все и огороды и поля, луга и сено, что на весну оставляли, плыло по реке. А в конце июня началась война. Кого не успели репрессировать, забрали на фронт. На селе остались бабы, старики и малые дети. Приехал Ленька Панов, он учился в Ханты-Мансийске в пед.

¹ **Слинкин Николай Тимофеевич.** Родился в 1901 г., Остяко-Вогульский нац. окр., с. Нижневартовское; русский; образование начальное; б/п; промысел рыбтреста, директор. Проживал: Томская обл., Александровский р-н, с., Александровское. Арестован 2июня 1938г. Приговорен; обв.: право-троцк. орг-я. Приговор: умер 17.07.38. Реабилитирован 8 февраля 1993 г. *Источник: Книга памяти Томской обл*

училище. Уговорил и меня ехать туда поступать. Там общежитие, питание бесплатные. Мама согласилась и настояла, чтоб я уехала с Ленькой. Отец домой почти не являлся, где-то отыскивали незатопленные места и готовили сено. А стадо в колхозе вырастили на загляденье, Элитное, одной масти, черно-белые, крупные, высокие, мясо-молочной породы. Без его согласия и ведома, я уехала на буксирном пароходе в Ханты-Мансийск ночью.

Сдала экзамены хорошо, вывесили список. Занятия отложились с 1-го октября. Все разъехались поступившие по домам, а старшие на работу по колхозам и рыб. завод в Самарово. Приняли меня на 1-ое отд. - Манси. Старшие разъяснили, что это готовят учителей для национальных школ манси (по старому вогулы) и живут они в Заполярье, Севернее еще в юртах. Мы с одной девчонкой, с которой вместе сдавали и жили в одной комнате, загоревали. Одна умная женщина разъяснила нам все это и посоветовала пока не поздно перебраться в медицинский техникум. Сбежали туда, директор выслушала нас и сказала, чтоб сегодня же принесли все документы и зачетку о сданных экзаменах. Так мы и сделали и нас сразу же зачислили без экзаменов. Комендантша выделила нам одну койку в общежитии, так мы и устроились. Помогали в ремонте, уборке в основном после ремонта общежитий. Потом комендантша посоветовала нам запастись на зиму картошкой и овощами. За больничным городком был частный сектор, мы помогали копать картошку за картошку. У одной старушки и складывали ее в подвал. Она жила одна и мы ей помогали по дому и хозяйству. Она нам помогала все время учебы, в столовой кормили плохо, в общежитии готовить негде – печи голландки, так мы бегали к ней до света поесть картошки с капустой и огурцами, она нам всегда была рада.

А дома надвигалась беда. Кормов за лето наготовили мало, вода стояла еще и в августе, когда уже стали заморозки по утрам. Те старые угодья стояли черные, а какие повыше не долго держалась там вода, их было мало и к ним трудный доступ, технику не завезешь, это сенокосилки и грабли. Работали вручную. Самых молодых работоспособных мужиков уже не было. За рекой обрезали все ветки тальника. По окончанию «сенокоса» подсчитали, что есть и на сколько хватит. Самые скромные подсчёты дали, что этого корма хватит только до Нового Года, максимум до февраля. Стадо коров, молодняк, много лошадей и овец, все это содержалось в хорошем состоянии, отец не любил плохо работать и так приучил всех. За неблагоприятные поступки отчитывались перед колхозным собранием, а этого никто не хотел. Отец как председатель доложил обстановку и дал возможность всем высказаться. Все сказали – надо сократить стадо, когда переживем эту беду, стадо можно восстановить. Там на собрании был и уполномоченный из р-на и зоотехники, которые тоже были за сокращение стада, пока оно не потеряло **уникальность**. Отец сказал, что этот вопрос будет решаться с властями и забрал документ о собрании с собой. Вечером поздно отец уже улегся спать, мама еще по дому управлялась, пришел радист Яголько, принес телеграмму из Ларьяка по работе и просил прийти в с\совет – зовет уполномоченный. А с\с у нас рядом. Там сказали, что идет катер туда в Ларьяк, надо ехать. Отец был депутатом райсовета и это его не удивило. Надо было решить вопрос о животноводстве в колхозе. Пришел домой, сказал матери, чтоб собрала ему в дорогу и ушел в колхозную контору. Ларьяк от Н.Вар. 300 км по р. Вах вверх по течению, скорость катера км 15-20 в час, а ночью стоит. Там вызвал заместителя и бригадиров, решили что надо делать. Дома поел, собрался и ушел в с\с. Мама говорит – было у меня какое-то неясное чувство тревоги. Долго не спала, катер в Ларьяк должен был проходить по реке мимо дома. Его не было, спустилась к реке, по песку дошла до пристани, тихо без огней стояли рыбзаводские катера и все. Еще думала - проглядела, но это не проглядишь, даже если на

несколько минут отвлечешься. Катер стучит и долго идет по ту сторону реки вверх по течению. Больше никто его не видел. В Ларьяке его не было. Уполномоченного этого тоже не стало, или перевели куда, или тоже упрятали (чтоб без свидетелей). А мы все надеялись, все ждали, что вернется, и так долгие годы. На запросы отвечали – сведений нет, не числится.

По расследованиям журналистов, после войны, вернее даже после смерти Сталина, этих данных нигде не было зафиксировано, без суда и следствия творился геноцид. (Кстати катер, на котором ездили комендант и уполномоченный, нигде не затонул, как думали колхозники, и на зимовке его не было, появился он следующим летом, перекрашенный с другим номером и командой.) Кто-то в районе сработал тайно, не привлекая внимания к себе. Хитро сделали они с отцом. Убрать просто, боялись шума, отца в колхозе и на селе все уважали. Если уж такие люди «враги народа», кто же другие будут. Он не боялся защищать репрессированных, помогал их семьям. Искали повод. Стихия, что обрушилась на все живое по всему побережью реки Обь, и люди выбивались из стил. Старались спасти людей, скот, пастбища, стали виновны за природу. На своем последнем собрании он никого не винил, эта стихия ни от кого не зависела. А получилось, в ответе стал он. Доложи бы Сталину, он разбираться бы не стал, а снял бы голову у руководства района или области. Свою голову им жалко стало, они подставили другую, вроде и депутатская, но не защищается.

После окончания техникума, меня распределили в Ларьякский р-н. Год проработала в поселке, а потом отозвали в райцентр, это уже в 1945 после победы в мае. Начальство пошло в отпуск. Приказом оформили и.о. зав. райздравом, я расплакалась: какой из меня еще райздрав. Поменяли, дали мне заведование райбольницей. Там присутствовал бывший друг отца, Самаров Иван Иванович. Уговорил меня, успокоил, а он был пред. райисполкома после Алексея Сигильетова, тоже, как наш отец, в одно время избранный депутатом. Отработала я там 2,5 мес. Приехали с отпуска и мне дали отпуск, сказали, что после отпуска осенью я буду направлена работать в ПОС (промыслово-охотничью станцию) Толька. По карте найдете ее. На куличках. А у меня Володя, брат младший, куда же ребенка [девать]? Иван Иванович говорит: - А у сестры такой же малолетний сын, я поговорю с ней, она возьмет его к себе. А мне: - Два года там отработаешь и ты свободна, куда хочешь можешь уехать.

У меня там подружка завелась, Наташа. Она заведовала дет. садом, ровесница моя. Были мы вечером в кино и на танцах, кое-кто знал уже, что меня хотят отправить на Тольку. Девчата отозвали нас в сторонку и говорят, что вон тот парень тоже поедет на Тольку радистом. Сейчас его учат на начальника. Посмотрела на него, мне так плохо стало...Бывают же люди с первого взгляда приятные и отвратительные. Этот был противен. Мы сразу ушли. Погоревали, поплакала я и подруга предложила поговорить, посоветоваться с её матерью, та была рай. судья. Вечером тут же поговорили, откладывать было некогда, у меня уже был подписан приказ об отпуске. Все рассказала ей и то, как ходила в КГБ, узнать про отца. Сказала я там начальнику прямо – хочу знать, где наш отец? Покрутился – я здесь недавно, не в курсе, но посмотрю, придите через 3 дня. Затем через 3 дня [вновь пришла], он [вновь]открутился, что данных у них нет, надо запрашивать. Дала адрес сестры для ответа. Надежда Петровна, так звали мать Наташи, спросила, как знаю я Самарова Ив. Ив. Я рассказала, что давно он был другом моего отца и часто бывал у нас дома. Она сказала – я ему не доверяю, не будь и ты искренна с ним. Уезжай. Розыск отца встревожил его, и, наверное, не напрасно. Он работает здесь давно, держится, и значит кого-то устраивает его пребывание у власти района. Сталину уже много лет и власть должна измениться, это чувствуют все, а пока они, его каратели, будут убирать свидетелей. Предупредила и меня, чтоб я была очень осторожна, просила этот

разговор оставить между нами. Уехали мы с Володей к сестре Ане, оставила брата у нее и договорились, что когда я найду место, где мы все соберемся вместе.

До Н. Вартовска ехала на каком-то задрипанном пароходишке и спутником оказался до Н. Вартовска мой бывший одноклассник Стёпа [?]. Он отвоевал, по ранению был комиссован. Жил он у родителей в Н.Вар, а ездил в Ларьяк к сестре. Полушутя -полусерьезно я ему сказала: - Ты меня охраняй. Он понял. Вечером поздно пришлепали в Н.Вар., а там стоит пароход до Новосибирска. Стёпа помог перебраться, и я покатила искать свою судьбу.

В Александрово сказали, что п\ход будет стоять 5 часов (погрузка и дрова) У нас там еще когда-то Аня устроила троюродную нашу сестру Наташу. Пошла я в Милицию узнать адрес ее, а она там на работе работала паспортисткой и муж ее тоже в милиции. Увела меня домой, посидели, поговорили, поплакали. Она уговорила меня задержаться здесь на зиму. В Новосибирске и Томске еще не отменили пропуска на проезд и могут задержать на выяснение, что мне никак не надо. Осталась, вещи забрали, билет сдала.

Нашла мне квартиру по близости у одной старушки. Поменяла мне паспорт, тот у меня был в порядке, но он был и в воде: тонула как-то. И работу нашла в райздраве и сан-эпид-станции. Летом уехала в Новосибирск. Искала место, где всем нам можно было устроиться на жизнь. Так же, как когда-то мой дед. Тогда это их устроило, приволье в дали. Нам же этого было мало. Братья подрастали, надо учиться им и мне. Нашла. Барлак – Сибирское село. Город рядом – 30 км., близко 1,5 км. железная дорога, разъезд-Барлак и остановка электрички.

У меня работа – заведывание фельдшерско-акушерским пунктом. Квартира и амбулатория в небольшом бывшем купеческом доме. Здесь я проработала год и в отпуск поехала в Н. Вартовск за Володей и всеми. Приехала, а там у сестры муж Ефим Григорьевич. Поехать туда они очень хотели бы, но у него не снят запрет о не выезде. Еще до войны в тридцатые годы он учился в Томском политехническом институте и был участником студенческой забастовки или что-то вроде этого. В результате кого посадили, кого сослали в Сибирь подальше. Так он там очутился. Ездил он по начальству в надежде, что по истечению срока запрет должен быть снят. Но увы. Сталин был не только на мавзолее, устрашая, но еще торчала его голова из Кремля.

Поехали мы с Володей одни. Последний п\ход с того края и такой, что хоть его самого вези. Мы ехали 14 дней и уж не помню, где мы вышли: в Томске или в Н. Сибирске. [Пароход] часто ломался, мы или стояли среди реки или притыкался к берегу, и где было возможно, мы вылазили на берег и брали ягоды. Устали жутко, продукты вышли и буфет пустой. Добрались мы и до дома. Отпуск передержала 20 дней и моя акушерка перевела заведение на себя. Поругались мы с ней, и я рассчиталась. Пожалела потом я, что погорячилась, но уже менять не стала. Село мне нравилось и я думала когда-то туда вернуться, жить в городе не люблю, суета, толпятся везде, а на селе спокойнее и душа крестьянская – тянет к земле.

В городе у меня было 2 адреса. Нашли их, устроили у себя. Зимой проработала в госпитале, а весной ушла на сан-эпидем-станцию речного пароходства. Посадили меня на служебный п\ход – обслуживал, вернее был начальником всех бакенщиков, земснарядов по реке. Пришла проблема с Володей. Рецидив малярии и между приступами был уж очень непоседлив, рискуя утонуть. Если я занята, то его запирали даже в рубке. Капитан предложил мне: или, или. Они и привязались к нему, но трагедии никто не хотел. И уходить мне тоже не хотелось. Платили 1,5 ставки и питание почти бесплатное, приставая к бакенщикам они тащат нам рыбу, мясо уток, молоко, яйца, ягоды, картошку. В общем, мы не переживали. Добрались как-то до Александрово, а там стоит п\ход до Н.Вар. С моего согласия он договорился с капитаном и штурманом, они взяли его (Володю) чтоб довезти до Н.Вар. и отдать в руки сестре. Она в то

время уже жила в Н.Вартовске. Так и сделали. Лето на п\х, а зиму бросали нас СэС на эпидемии тифа.

Закрепили нам Искитимский р-н. Я даже сейчас, по истечению многих лет не могу вспоминать то время. Искитимский р-н - это степной р-н. В 30-е годы по указу Сталина там проходила грандиозная чистка. Мужики налево, бабы, дети направо. Семьи «переселяли» в необжитые места. Много таких мелких селений было разбросано по степи в этом р-не. Жалкие лачуги, выкопанные в земле как берлоги, сыро и холодно там. Детей совсем мало, не выдержали. Там то овцеферма, то молодняк к\рог. А люди – на них страшно смотреть. Темные морщинистые изможденные лица. Хроническое недоедание, тяжелый беспросветный быт, сделали их лица одинаковыми безразличными. Мы лазили по этим трупам в чистых, белых халатах и шароварах, чтоб не набрать там вшей, которые у заболевших бывают подвижны как мухи. Обработали их, обмыли, переодеть не во что чистое, дез-камера не стирает. Мы даем им мыло по куску на человека, они держат его в руках, нюхают и даже лизнут. Расспрашиваем их кто откуда и с какого времени здесь. Адреса разные, а время для них остановилось, где мужья, отцы, дети – померли, а мужья – давно нет, забрали и где никто не знает. Вымирают населения, сгоняют вместе живых, бригадир говорит, много их было поначалу, а сейчас уже совсем мало осталось, самые крепкие еще держатся. Вшей у всех много, а типичных больных нет, тот же бригадир говорит, что как их пригнали, были больные с сыпью, но кто выжил, кто нет. У переболевшего сыпным тифом остается иммунитет на всю жизнь. А сбега́ли ли отсюда, спрашиваем у того же бригадира. А куда им бежать в таком рванье, если кто-то решится, волков полно – съедят. Это то, что я видела и знаю, а подобного по всей стране не счесть. В газетах тогда обо всем не писали, по радио, когда оно появилось, тоже не говорили. Да между собой люди боялись разговаривать. Все это уже со временем забывается, но Вам всем жить и знать и помнить об этом, Вы все должны. Не допустить больше такого!

Ничего не сказала я о братьях наших младших Павлике и Борисе. Они остались у Анны, Володю я с собой увезла. Не стали слушаться, почувствовали себя самостоятельно. Павлика уговорили приятели заняться торговлей. В отсутствии ст. сестры, она уезжала в Ханты-Мансийск на сессию (у нее образование было только годичные учительские курсы где-то 1930 г, а тут потребовали заочно закончить пед. училище) В это время почувствовав «свободу», дали ему для торговли товары (я уже забыла сумму). На катере довели его с товаром в Усть-Колик-Еган. На катере было трое, один остался для «ремонта» в катере, двое помогли выгрузиться, вытащили товар и «магазинчик» и решили отметить нового продавца с началом труда. Было много водки, напоили Павлика, он раньше и не пробовал её, оттащили его в кусты, положили недопитую бутылку рядом, все остальное что привезено было и документы забрали и укатили в Н. Вартовск. На берегу никого не было, рыбачки, а там работали девушки, и были они далеко, засольщица занята была своими делами и видели только, как подходил и уходил катер. После ухода катера никого не обнаружила на берегу. И только вечером приехавшая бригада рыбаков обнаружила в кустах пьяного «продавца». Увели его в каталажку в Н. Вартовск. Вернулась сестра с Ханты-Манс., узнала всю эту историю, милиция ничего не помогла. Администрация предложила заплатить за товар и возможно не будет суда. У нас в Н. Вар. хранились у Пановых вещи семьи. Сумма была большая. Продавала наполовину даром – шубы, дохи с собачьим мехом, тулупы, одеяла, подушки, все это годами наживалось, на пушнину отоваривали хорошими вещами и дети подрастали, все это бы сгодилось для них. Деньги собрала, суд состоялся, но не сделали скидку на его молодость и дали ему 7 лет заключения, даже никакого следствия не провели, не искали тех похитителей.

Увезли его и долго не было от него никаких вестей. И вот Анна переслала мне его письмо и адрес с Н.Вар., он просил послать ему чеснок. Собрали посылку: чеснок, сало, лук, письмо. А в 1950 г. он заявился ко мне на квартиру в Новосибирске. Я его не узнала. Худой, бледный, изможденный, больной, в каком-то невообразимом рванье, а я жила на территории реч. порта у своей дезинфектора, рядом с Сан-Эпид. Ст., где работала. Дезинфектор жила одна, сын ее был капитаном п\хода и базировался в Барнауле. Покормила я его, сводила в душевую, близко была котельная и (там мы все бегали в душ.). Хозяйка собрала что было из вещей сына – белье, одежду, обувь. Ему подошло. Все его вещи, что на нем было, бросили в топку котла. А на другой день в понедельник повела его в свою поликлинику водников, где я тоже работала с обеда (на 2-ой ставке). Прошел рентген – туберкулез легких, анализ макротел – положительный на ВК, кровь – малокровие, низкий гемоглобин. Осмотрел его врач и дал направление в туб-б-цу. Дали мне санитар. машину и я его увезла, положила в б-цу (Ельцовка или Заельцовка) теперь уж не помню, больничный городок у горы. Положили по просьбе моей (а я приехала в белом халате - медик) в 4-х местную палату светлую, чистую. Врач снова его осмотрела и сказала, что он молодой, но сильно истощенный, ему надо хорошее питание, которого в больнице нет и нужен стрептомицин, а он в то время был очень дефицитный, у них нет. Вернулась на работу в СЭС страшно расстроенная. Девчата говорят – ты проводила курс лечения на дому еврею, родственнику нашей начальницы, а он работает в аптекоуправлении. Я поговорила с ней, она с ним по телефону, он позвал меня к телефону и сказал, чтоб я собрала документы – выписку из его истории б-цы, подпись и печать леч. врача, просьбу леч. врача поликлиники и зав. водздрав. отд. с печатями. Мне на другой день дали отгул и я все оформила как надо. Получала лекарство сама, в аптеке 60 флаконов на курс. Заплатила немного. Первое время стрептомицин выпускали очень болезненный для больного. Павлик лежал на животе. Ходила к нему в палату. Стал появляться аппетит, с продуктами в городе тогда было еще хорошо и брала, что захочется ему. Делала ему еще лекарства с медом, кагором. Стал поправляться. Пролежал он там 6 мес. Весной захотел домой в Н.Вар. Ну потянуло его туда сильно. А я уже хлопотала путевку в туб. санаторий. Врач сказала – хорошо, очаги 2 – затянуло, анализы хорошие, санаторий надо и еще бы надо повторить лечение один курс. Путевку обещали на осень. Уехал в Н.Вар., все бы ладно было, в санаторий он не захотел, что тут чистый воздух, рыба свежая, и уже хорошо себя чувствует. А осенью в ноябре, забыв про все, пошел с ребятами рыбачить в курье, там водились налимы. Лед прозрачный, не толстый, делают лунки и пропускают невод подо льдом. Провозился, подуло и еще промок сильно. Ночью высокая температура, в больнице лежал совсем мало, мне телеграммой сообщили, чтоб достала еще этого лекарства. А тут уперлись, из б-цы уже выписан, в санаторий не поехал, лекарства дефицитные. Достала за деньги у спекулянтов на рынке 20 шт. выслала. Но не дождался он - умер.

Бориса со своим сыном устроил учиться Яров в Соमारово в ремесленное училище по обработке рыбы и тары. Что там получилось – мальчишки ровесники ввязались в какую-то историю. Мне он написал, чтоб выслала 200 р., а адреса точного нет. Выслала на Анну в Н.Вар. Ответа нет, потом уже Ярову сообщили, что они утонули. Подробностей не узнавали. Это случилось уже в Аксарке – на Обской губе. Володя жил и учился это время в Н. Вар. у сестры. Ефим Григорьевич заменил им отца. Все для них сделал, полюбил их, воспитывал по доброму, руки и голоса на поднял на них с Вовой. Но они искали приключений и лидером был д. Володя. Решил как-то вплавь переплыть реку Обь, что было не под силу даже взрослому мужчине. Вова тоже с ним поплыл, но вернулся, а тот кому-то решил показать свою удаль.

Ефиму Григорьичу, был он на работе, сказали, тот на одной ноге прыжками схватил весло, в обласок и поехал догонять. Тот уже половину проплыл, на вторую у него не хватило бы сил, там сильное течение. Привез чемпиона домой.

А то плавает по реке бревно-топляк. Один конец почти вертикально из воды торчит, а остальная часть в глубине. Так эти два Володи в обласе веслами утопят вершину бревна и смотрят веселятся, как оно всплывет. А если оно всплывет под обласом и пробьет дно, смогут ли они сами выплыть. Как-то зимой, в лютый мороз Володя решил лизнуть языком топор – и примерз не только язык, но и нос, губы, подбородок. Ладно, погодилось, видимо воскресенье, что были все дома. – отогревали топор. Володя долго мучился, не мог есть, да и лицо тоже лечили. Саша пишет, что внучек Алеша прыгал с гаража и сломал ногу. Я не удивилась – это наследственная черта, деда Володя тоже любил лазить по крышам, чем выше, тем, говорил-интереснее. В Ларьяке мы были, он освоил все крыши в больничном секторе. Убеждаю его, объясняю, что вдруг поскользнешься, покатишься, на крыше зацепиться не за что, упадешь и разобьешься. Ну чего тебя туда тянет? – А там комаров нет, хорошо и всех и все далеко видно, - отвечает.

Мама – всегда с глубокой болью я вспоминаю своих родителей. Рано они ушли из жизни. Мама была простой домашней женщиной – она не вмешивалась в политику, не была сплетницей среди женщин. Ее мир был – работа и семья. 5 августа 1939 г. умерла Валя, было ей 8 мес. А в сентябре 12-го получили телеграмму о смерти Таси. Мама просто слегла от горя – две дочери сразу потеряла. Дети прирастают к сердцу матери еще в утробе, оторвать не может даже их смерть. В 1941 г. увезли отца, и он пропал без вести: не живой ни мертвый. Ночью ушел из дома по вызову уполномоченного в с\с, сходил в контору, провел совещание с замом, бригадирами ничего не подозревая, пришел домой, поел, оделся, мама собрала ему в дорогу сумку еды, посмотрел на спящих своих сыновей, сказал, что постарается не задерживаться, осень, холодает, может рано пойти шуга – лед. И все – никто нигде его не видел, катера не стало – угнали куда-то, уполномоченный как в воду канул и что главное – никто не разыскивал, а в Н.Вар. думали в дороге туда ехать дня 3 и обратно 2-3, там 1-2 дня если сессию соберут, река ждать не будет – холод возьмет свое. Я училась в то время в Ханты-Мансийске, мальчишки еще малы были, ничего не понимали, Анна была в Казахстане. Это горе легло на плечи одной матери. Корову и всё хозяйство порезали – сена не было, в колхозе тоже стали убавлять скот- иначе погибли бы все. А в 1941г. в ноябре погиб муж Анны в Казахстане. Она вернулась весной в Н.Вар. с сыном Вовой. Положение было тяжелое. Не выдержало сердце. 26 февраля 43 г. она ушла из жизни. Мне долго не писали.

Шла война, много горя утрат переживал весь народ. В 1950 г. я поступила учиться в Томский мед. институт. Зимой, с осени мы фельдшеры СЭС, молодые не имевшие раньше возможности нашли репетитора и всю зиму усердно занимались. Желание учиться было большое, способности были. Думала, буду в Новосибирске учиться и работать в той же поликлинике вечерами. Надеяться на помощь из дому, а какой уж у меня тогда был дом, не было. Но как-то пришлось в Томске. Я работала летом на пассажирском п\ходе и занималась подготовкой к экзаменам. Сажу вечером в своей санитарной каюте книгами обложилась, тепло, светло. Пароход на ходу взял кого-то на борт. Штурман заводит ко мне в каюту мужчину. Выяснилось, что это профессор – академик Андрей Григорьевич Савиных. Он у своего давнего знакомого бакенщика проводил свой отпуск, он был заядлый охотник, рыбак, а весной охота на уток. Места там хорошие, отдаленные, никто не мешает и уток на перелете полно. Погода стояла дрянная, холод, дождь, сырость и он простыл, заболел. Бакенщику

пришлось вывозить его к п\ходу. Воспаление легких, лихорадит его, не может согреться. Пошла к дежур. штурману – он организовал ему горячую баню-душ. Наколола его, лекарством напоила, нашли теплую каюту, создали условия. Подъезжая к Томску он уже чувствовал себя не плохо. Видя, что я готовлюсь к поступлению, обещал мне свою помощь, дал адрес, номера телефона и как можно и где его найти. Советовал в Томск и институт лучше и кадры и мое положение что можно устроиться подрабатывать в клиниках. Экзамен сдавай, пусть даже и не сдать, сообщи мне. Сдала на тройки, перерыв у меня был, я 10 кл. не кончала, а 8-ой так себе учить не кому было, дотянули нас до весны и только. В списках поступивших нет. Не могу решиться позвонить, стою. Он человек занятой и уже давно забыл про «спасителя». Но он пришел. Взял мои документы и ушел в дирекцию. Вернулся, говорит, все в порядке, в список внесут, что тебе еще надо помочь. Да это я уже сама сделаю – нужна будет работа, мне помогать некому. Подходит к нему мужчина седой, высокий, они как старые друзья здороваются за руку, разговаривают, и Андрей Григорьевич знакомит его со мной. Это, говорит, мой спаситель, она меня вылечила. Поздоровался и он со мной и назвался, а Андрей Григорьевич говорит, ей нужна работа, которую она могла бы совмещать с учебой, пусть даже на неполную ставку. Тот – у меня клиника детская и студенты у нас работают, так что устроим, приходите.

В Новосибирске я рассчиталась, перебралась в Томск. У меня там был адрес – я тоже помогала этим людям и они приняли меня к себе на квартиру, прописали. На работу оформилась и смогла еще несколько дней привыкнуть там. Трудно было первый год шли общеобразовательные, но потом втянулась. Дежурства были вечерние, ночные по выходным. Но счастье мое было недолгим. На второй год, под Новый Год, точнее 30 декабря после дежурства в воскресенье девчата уговорили сходить на каток на коньках покататься. Одна из нас, Таня, совсем не умела и часто падала и цеплялась за нас, роняла нас и сама до кучи. Уронила меня назад, я даже не видела её и не ожидала. Так, что я думала – моя черепашка раскололась. Освободились мы от коньков и ботинок, что брали напрокат. Плохо мне было, но они двое дотянули меня до детской клиники. Вызвали врача невропатолога. Та - срочно ложить в клинику. Сделали рентген – перелома нет, но гематома – кровоподтек хороший был. Диагноз поставили – ушиб и сотрясение головного мозга. Пролежала я там 1,5 мес. По ВТЭК еще месяц гуляла и Иннокентий Николаевич устроил меня в туб. санаторий на 2 – мес. Так это у него заведующая была родственница. Стало лучше, палку уже отбросила – не качает. Вышла на работу, но трудновато еще – болит голова. А институт для меня уже закрылся. Государственные экзамены не сдавала, зачеты тоже и читать не могу. Профессор сказал, что года через 2-3 все нормализуется. А сейчас в городе [находится] не могла – запахи, выхлопы от машин, дымят котельные до тошноты. Посоветовал на это время уехать в тихое спокойное лесное место. Что еще мне оставалось делать – вернуться в Барлак под Н.Сибирском, там город и жел. дорога рядом и все время гудят реактивные самолеты, близко воен. аэропорт. Посоветовали мне Парабельский р-н, и северные платят и места хорошие. Съездила я на «бывшем своем п\х» в Парабель, узнала все про все и договорилась. Вернулась, а у меня уже два Володи приехали в Томск учиться, закончили семилетку. Оба еще какие-то маленькие, несерьезные. Забрала их с собой, пусть закончат 10 кл., подрастут, поумнеют и если даже в институт не поступят, в техникуме им будет меньше учиться – 2 г. и легче. Так мы и поселились Старице. Житье-бытье там было не плохое. Работа у меня участковая- зав. фельдшерским пунктом, и жилье за стенкой, ребятам школа новая хорошая рядом. На лето они уезжали в Н.Вар., на 10 кл. Вова что-то там приболел, не поехал, но они его уже в сентябре устроили

учиться в Ларьяке. Володя закончил школу хорошо и поступил в Томский университет. Но власть переменялась. Приехала большая группа китайцев и наших русских, за которых некому было заступиться – отчислили. Володя звонит мне по телефону – что же делать. Набор уже везде в учебные заведения закончен, но попытайся обойти всех, может где-то тебя примут. Приняли в лесотехнический, где поступил уже Вова. Ну что же, это тоже хлеб. Теперь надо было помогать учиться. Его еще там обокрали. Продала ковер, купила ему костюм, белье, обувь. Отправила. Получил.

А зимой 57- го я вышла замуж за Николая Ивановича Вяткина, он радист, оператор I кл., отслужил всерх строгую в Армии. В Старице у него родители. Работать пошел в школу, преподавал физ.культуру, радиодело. Так началась еще одна часть моей судьбы. Летом Володя приехал к нам в Старицу и я мимо его хожу и не узнаю, он сильно подрос, стоит, улыбается, а тот уехал к матери в Н.Вар. Следующий год он окончил техникум и приехал к нам уже со своей женой Сашей. Саша всем нам понравилась, у нас уже была маленькая Наташа. Распределили их в леспрохоз Березняки, туда же и Вова попал – вместе. Так началась их семейная и трудовая жизнь. Думаю о себе, своей семье, он сам напишет для потомков.

В гости к нам приезжали Анна с Ефимом Гр., понравилась им Старица, как и деда нашего увлекли ягоды, грибы, приволье. Аня доработала там до оформления пенсии и они перебрались к нам. Она часто болела, ей нужна была медиц.помощь. Там же что-то изменилось в худшую сторону, а Е.Г. на одной ноге тоже уже и для коровы сена не сможет поставить. В Старице купили домик, она пошла работать зав.дет.садином, а он зав.базой с\по. Купили корову, на селе это хорошая кормилица. Оставаться в Старице навсегда я не собиралась. Отдаленность, дети подрастают, куда-то надо их определять на учебу, отец Николая умер – рак желудка, у матери хр. пневмония с астмой, все время на уколах. Да у меня опять непредвиденное – вечером ходила по вызову к больному через речку и провалилась под лед у берега. И выбраться не могу и никого нет помочь, но все-таки помогли мне выбраться и в баню, погодилась суббота, люди бани топят. С непривычки оно неприятно. Последствия сказались быстро – непереносимость холода. Мерзну – спасение только на печке. Как Иванушка! А работа, семья, зимой лютые морозы. Написала я письмо своему детскому профессору И.Н.Осипову про свою беду. Ответил. Очень сожалел, посоветовал мне поменять Север на Юг. Работаю, одеваюсь тепло, выходя на улицу надеваю приспособленную грелку. Списалась со своими знакомыми, что жили раньше в Минеевке (Володя знает) их семью вывез на Кубань их младший брат. Они там обжились и Таня Хаирова с сыном к ним уехала. Написала им, они пригласили и обещали помочь в обустройстве. И вот 20-го февраля 66 г. переселение. С Аней и Е.Г. договорились – устроимся и хорошо будет- они к нам переберутся. Купили полдома – думали не надолго в нем будем. Тут после долгой дороги и смены климата заумирала мать Николая, от нас она не осталась, хотя там у нее было две дочери и сын. Квартира маленькая, но своя. Это важно. Тепло. Помаленьку обживались, много вещей мы просто бросили в Старице, выбирались самолетом, я никогда о том и не пожалела. Летом к нам перебралась семья Анны, сестра Коли с Белого Яра. Тоже купили хатку, позднее построили там дом, а эти последние годы перебрался сюда и сын Михаил (ровесник Наташи), построил себе большой дом, еще маленький на 3 комнаты на старость себе, говорит, баню хорошую, двор для птицы. Все газифицировано. Двое детей у него, жена работает в Госбанке глав.бухом, недавно закончила заочно финансово-экономич. фак. Майкопского университета. Анны и Ивана уже нет, хозяйничает один. Дочь их (Анны и Ивана) живет в Белгороде у нее высшее музыкальное образование, работает в муз.училище. Весной через год приехал к нам

Ефим Гр. В «разведку боем» сам посмотреть. Ему понравилось, нашли дом, купили – договорились, а позднее переехала и Анна и с ними решились Володя с Сашей.

Но Володя не захотел, жарко ему тут было, не понравилось – он же рыбак, охотник любитель, тут не Обь, конечно, но рыба есть, в прудах и озерах и лес есть. «Ульки» зайцев и лис добывают. Уехал один, устроился в Нарыме, приеха семья и доволен – родные места. Где-то в конце августа приехал Ефим Гр. в сопровождении еще одной семьи из Старицы – Бондаревых. Приехал больной – на другой день положили в больницу – инфаркт сердца. Прожил он 3,5 г. То положим в больницу, то хожу лечу его на дому. Он так рад был, что сюда приехал. И телевизор купили и газ был балонный, и дом просторный, спокойно. В нем переехал с Н.Вар. Вова с Лизой. Тетя Лиза больна, и тоже то в больнице, то дома бегаю колю ее. Тоже прожила она 3,5 года – цирроз печени. Аня прожила здесь 19 лет, ей исполнилось 72 года. Все они нашли здесь приют.

Из Колпашево переехали к нам семья друга Коли – Барцевы, он сам погиб в аварии, его жена и две дочери тоже сначала приехали в гости, посмотрели и на другой год перебрались. Дом купили, усадьбу, живут до сих пор. Она замуж вышла, у дочерей свои семьи. Старшая Наташа, ровесница нашей Наташе 1957 г. рож. Дети двое – Андрей окончил высшее воен.училище Камышенское на Волге – воен.инженер и дочь Оля, заканчивает 11 кла., а Лена живет в Геленджике работает в аэропорту, замужем, он тоже там же начальник аэродромной службы, как был ее отец. Две дочери Настя и Лена – учатся в школе. Обе они- Наташа и Лена бухгалтера – Наташа в Гиагинской глав.бух налоговой инспекции, а Лена в аэропорту. Наши ездили туда отдыхать на море.

У Бондаревых – она, Поля, в столовой-ресторане работает кондитером и поваром, он, больной полиартритом, работает в школе охранником. Дети все получили образование, специальности. У всех свои семьи. Володя Рыбаченок после смерти Лиды женился на Тамаре. У них два сына – Сережа и Алеша. Бабушка Аня еще и понянчила их и помогла им освоить школьную науку. Оба отличники. Алешу сразу посадили во 2-ой класс. Сейчас он на 4-ом курсе фак. Технология виноделия, консервация в Майкопском университете. Сережа работает не знаю где сейчас, но Тамара говорит будет поступать на заочное в университет. Растет у него сын Вова. Тамара торгует на рынке как реализатор (наших соседей). Мы живем здесь уже 35-ый год.

Похоронили мы 10 чел. это Вяткиных 3, Азаровых 3, Ефим Гр., Лиза, Анна Алексеевна и Володя Рыбаченов. Светлой памяти о них, мир их праху. Все они рядом лежат, летом их могилы утопают в цветах. Ухожены, бываем часто. Такова жизнь, бессмертных нет. И только сына своего не оторву от сердца. Уйдем уж вместе. Я заканчиваю свои воспоминания для Вас потомки. Пусть наша ветвь не засыхает, а живет и процветает на века. Пожелаю Вам: берегите свою честь и достоинство – не унижайтесь ни перед кем, и не позволяйте унижать Вас. Будьте добры к людям и милосердны к людям попавшим в беду. Помогайте друг другу, не теряйтесь, старайтесь соединяться поближе семьями. Это всегда важно. Высылаю свою Почетную Грамоту – мне её дали по выходу на пенсию. Вела я подростковый кабинет в рай.больнице, основная работа была в райвоенкомате. Гиагинский райвоенкомат, 2 отделение был одним из лучших в области и крае. Проводили на пенсию меня, хороший стол накрывали, песни пели. Ну а рай-б-ца – райздрав записали только в трудовой книжке и подарок – набор чайной посуды. Пусть хранится в общей коробке или шкатулке для наших потомков, кто-то тоже заинтересуется нашей прошлой жизнью.

Сестра наша Анна Алексеевна где-то в 1958-60 г. тоже в одно время с Лизой Рыбаченок получили в Н.Вартовске по ордену «Знак Почета» и удостоверение – заслуженного учителя РСФСР. Спрашивала как-то Тамару чтоб сохранила для внуков, она говорит – да и не знаю, где они есть, все бумаги Володя сжег. У меня тоже так же сделают. Пусть уж коли мы завели свое «родословное дело», пусть лежит для наших детей и внуков.

Послесловие племянницы автора:

Тётушка умерла лет 9 назад, проживала она в деревне Старица Парабельского района Томской области до 1964-65 года, а потом она с мужем Вяткиным Николаем переехали на Кубань в станицу Гиагинскую Краснодарского края. Там она и жила до своей кончины. Я её видела когда мне было 6 лет. Спасибо за фото - жуть. Я не фотогенична и не очень то хочу где то фигурировать. На сайт НКВДТюмени я уже выходила, репрессии Слинкиных видела. Когда то делала туда запрос. Фото тётушки и всего, что связано с моим дедом постараюсь найти. Как только найду всё вам вышлю. Я перечитывала воспоминания Галины Алексеевны и слушала от моего отца (Слинкина Владимира Алексеевича) и мозг взрывает. Мне за них важно хоть что то узнать. Я отцу своему обещала.... Вот и пытаюсь. У Галины Алексеевны очень трудный почерк был и, так сказать, переводом занималась моя дочь Катя. Как она "перевела" текст, так мне и переслала.